

Николай Болошнев

АЯНА

ПУТЕШЕСТВИЕ
К ЦЕНТРУ ЗЕМЛИ

Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б79

Ответственный редактор *А. Цыганкова*

Оформление серии *А. Кроник*

Болошнев, Николай.

Б79 Аяна. Путешествие к центру земли : роман / Николай Болошнев. — Москва : Эксмо, 2026. — 416 с.

ISBN 978-5-04-235462-5

Аяна — обычная девочка из Улан-Удэ. Её жизнь почти не отличается от жизни сверстниц: школа, семья, привычный мир. Вот только болеет она слишком часто... Врачи безуспешно ищут диагноз, а мать всё яснее понимает: это не болезнь, а дар — тот, что однажды разделит жизнь на «до» и «после».

Аяну отправляют к бабушке в бурятскую деревню у Байкала — туда, где до сих пор говорят с духами. Здесь начинается её шаманский путь: жёсткий, безжалостный, настоящий. Она учится быть проводником между мирами, но быстро понимает — сила требует высокой цены.

И чем старше и сильнее становится Аяна, тем очевиднее: дар — это не только наследие, но и опасность. Рано или поздно ей придётся сделать выбор — остаться инструментом в чужих руках или самой определить границы между мирами.

«Аяна. Путешествие к центру земли» — тёмный роман взросления, в котором бурятская мифология становится живой реальностью. История о силе после травмы, утрате и возвращении к себе — на фоне суровой и завораживающей природы Байкала.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Болошнев Н., текст, 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-235462-5

Даше

В тяжелом походе душа спит.

*Иван Ефремов.
Алмазная трубка*

**Часть I:
Необычная
болезнь**

Глава 1

«За миллионы лет до разделения континентов и появления человека на будущей территории нашей страны происходили геологические процессы, которые изменили судьбу всего мира. Как считают ученые, именно в результате извержения древних сибирских вулканов и связанно с ним выброса углекислого газа на нашей планете вымерли почти все живые организмы. Застывшая лава образовала базальтовые породы, часто в форме огромных ступеней. Геологи называют их траппами. Именно они определили рельеф огромных пространств южнее Таймырского полуострова.

Однако, как говорится, нет худа без добра. Эта историческая трагедия подарила советскому народу несметные богатства — алмазные месторождения в виде так называемых кимберлитовых трубок. Даже уже разведанных запасов хватит для того, чтобы обеспечить алмазами советскую промышленность на сотни лет вперед. При этом геологи считают, что таких месторождений на просторах Восточной Сибири еще очень много...»

*А. Шаров. Страна девяти рек.
Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1963*

Натянутое, как мембрана, бескрайнее полотно цвета разбавленного водой молока. Оно как будто подсвечено с обратной стороны и кажется полупрозрачным, но невозможно разглядеть ничего, что происходит за ним, — только смутные тени и очертания прислоняемых предметов. Сколько ни вглядывайся, не поймешь, что именно видишь. К тому же мешает бесконечный монотонный гул, словно за полотном дует очень сильный ветер. От него голова становится чугунной, переливается оттенками боли. Тут не до игры в угадайку, сдерживать бы тошноту и не потерять сознания.

Однако надо знать Аяну¹, если этой девочке что-то взбрело в голову — никогда не отступит. Она продолжает вглядываться в белую гибкую стену, едва не проваливаясь в черное липкое забытие. Смутно проступают очертания чего-то большого, продолговатого, округлого. Похоже на какую-то часть тела. Может быть, это бедро? Или большой живот, как у беременной женщины. Аяна напрягается из последних сил, чтобы вглядеться в прислоненный к полотну силуэт. Кажется, что еще немного — и она разгадает его загадку...

Внезапно что-то холодное и мокрое, словно рыбий хвост, шлепнуло ее по лицу. От неожиданности у Аяны перехватило дыхание, она с громким хрипом схватила ртом воздух и проснулась. Перед ее глазами оказались размытые очертания озабоченного лица мамы, поправляющей компресс. Рядом в белом халате со скучающим видом стоял Алексей Николаевич, врач из районной поликлиники — частый гость в их доме.

— Наконец-то очнулась... — прошептала мама.

— Татьяна, к сожалению, я ничего нового вам не скажу — это не грипп, не инфекция, — усталым голосом ска-

¹ Имя переводится как «путешествие» или «путешественница» (*бурят.*).

зал врач. — Даже на простуду не похоже. Скорее, что-то вроде сильной аллергии, у нее такое уже случалось. Вы убрали все раздражители, о которых мы говорили?

— Конечно, еще после первого случая — все цветы раздали, ковры повыкидывали. Пол каждый день моем.

— Животных дома нет? Может, заходит соседская кошка или Аяна на улице с ними играет?

— Да нет, она и на улице-то почти не бывает, все время болеет...

— А вот это плохо, — покачал головой Алексей Николаевич. — Ребенку нужен свежий воздух. Как жар спадет, выводите ее хотя бы на балкон.

Аяна сделала вид, что заснула, и продолжила слушать.

— Спасибо, постараемся... — Заметив, что дочка закрыла глаза, мама заговорила тише. Аяна слышала, как она встала со стула и с тревогой и надеждой спросила у доктора: — И все-таки, что нам делать? Не может же ей быть плохо просто так? Это уже третий раз с начала года, в школе грозятся ее отчислить за непосещаемость.

Алексей Николаевич молчал несколько секунд. Когда врач заговорил, было слышно, что он немного смущен тем, что не может поставить диагноз.

— Понимаете, в чем дело, Аяна как бы сама вызывает у себя такое состояние. Ее иммунитет изо всех сил сопротивляется какому-то раздражителю, но вот какому... К сожалению, наша региональная медицина тут не поможет, необходимо всеобъемлющее обследование. По-хорошему, нужно везти девочку в Москву, в Институт иммунологии, там смогут поставить диагноз. Если хотите, я поговорю с нашими врачами, поможем вам встать в очередь.

— А сколько ждать?

— Квоты у них небольшие, так что боюсь, что долго, может, больше года. Конечно, можно и платно, тогда — хоть завтра.

— У нас нет таких денег, — тихо сказала мама, как будто слегка осипшим голосом. Аяна поняла, что она сдерживает слезы, и сама изо всех сил зажмурилась, чтобы не расплакаться и не выдать себя.

— Я понимаю... Давайте все же попробуем поставить вас в очередь. Может быть, повезет, и она будет не слишком длинной. А пока помогите Аяне немного окрепнуть. Прогулки, закаливание, спорт — все, что способно укрепить иммунитет. Если есть родственники в деревне, отправьте девочку туда на каникулы, может так случиться, что за лето все само пройдет. Сами знаете, какая у нас в Улановке¹ экология.

— Хорошо, Алексей Николаевич, я тогда с мужем посоветуюсь насчет Москвы, решим, как лучше поступить.

Аяна услышала стеснительный шорох купюры.

— Ну что вы, Татьяна, это лишнее...

— Возьмите, пожалуйста, вы всегда к нам так внимательны и добры.

Купюра зашуршала вновь. Видимо, скрылась в кармане доктора.

— Благодарю. В общем, вы мне позвоните, как решите с больницей, и мы сразу начнем действовать.

— Спасибо. Пойдемте, я вас провожу.

По полу прошаркали две пары тапочек, в комнате стало тихо. Далеко, как будто за много километров от их квартиры, щелкнул замок входной двери. Через полминуты вернулась мама, села на стул у кровати и беззвучно заплакала. Аяна чуть приоткрыла глаза и протянула ей руку.

— Не плачь, мамочка, я поправлюсь, обещаю.

Мама поцеловала ее ладонь, и Аяна почувствовала на коже холодные слезы.

— Конечно, ласточка, все обязательно будет хорошо.

¹ Т. е. Улан-Удэ.

Они обнялись и поплакали вместе. Потом мама забралась на кровать, положила голову дочери к себе на колени и стала читать вслух книгу бурятских сказок. Как и всегда во время чтения, мама увлеклась и не заметила, как дошла до легенды про Хоридоя и девушку-лебедь, которая всегда расстраивала Аяну. Девочка была слишком слаба, чтобы прервать ее, и покорно дослушала сказку до конца. Только дочитав ее, мама вдруг словно спохватилась, закрыла книгу и посмотрела на дочку.

— Все в порядке, Аянчик?

— Мама, почему девушка-лебедь улетела, как только Хоридой вернул ей крылья? Она же его любила, и у них было так много детей... Им же наверняка было без нее очень трудно и плохо. Неужели ей не захотелось остаться с семьей?

Татьяна улыбнулась и потрепала спутавшиеся от подушки волосы дочери.

— Это просто сказка, ласточка, в жизни она, конечно же, осталась бы на земле. Может, иногда бы летала на своих крыльях, но не долго, пока детки не проголодаются. Вот и нам пора обедать. Пойдем на кухню.

Аяна кое-как одолела тарелку куриного супа с лапшой, посмотрела в кровати мультики и вновь уснула. Проснулась уже вечером, от раздававшихся с кухни отголосков громкого разговора — родители о чем-то ожесточенно спорили. Аяна напрягла слух, но смогла разобрать лишь отдельные папины фразы, мама говорила тихо, но с нажимом. Хотя она явно старалась сдерживаться, чтобы не кричать, даже сквозь стену было слышно, как она сердится.

— ...какая Москва, ты с ума сошла? Мы где на это деньги возьмем? Пусть лечится у нас в городе, а еще лучше пусть прекратит симулировать. Тебе врач сам сказал, что это не грипп, не простуда — она притворяется, чтобы в школу не ходить. В моем детстве такое ремнем лечили, очень действенное средство!

Мама отстучала в ответ какую-то фразу. В ее голосе было столько злости, что Аяна испугалась сильнее, чем от криков отца. Хотелось немедленно исчезнуть, испариться, только бы не слышать больше родительской ссоры.

— Какой иммунитет, ты о чем? — продолжал кипятиться папа. — Это все от больной головы, она себя накрутила и теперь лежит, кукуется все время. Это все твоя кровь, у нас в роду такого не было. Говорили мне родные, что ты с приветом, не послушал, теперь разгребаю! Что ты шизанутая, что дочь твоя!

Со звоном ударилась об пол чашка или тарелка. Мама повысила голос, но Аяна уже не слушала. Как в бреду, она вскочила с кровати, выбежала в коридор, сунула ноги в сапоги и, как была, в одной пижаме выскочила на лестницу. Вихрем пролетели мимо лестничные пролеты: один, два, три, четыре, пять. Хлопнула тяжелая подъездная дверь, и вот она уже на улице. Холод тоненькими иголками впился в тело. Вечерний двор был заполнен сугробами рыхлого мартовского снега, лежащими на скамейках, кустах, крышах машин. В свете единственного тусклого фонаря все они казались частью одного огромного серого кома. Аяна замерла на секунду, затем сделала несколько неуверенных шагов. Ком закрутился и покатился на нее, норовя раздавить. Закружилась голова, Аяна споткнулась и едва удержалась на ногах.

В ту же секунду во дворе вдруг поднялся теплый ветер. Он налетел внезапно и закрутил вихрь пронзительно-яркого, искрящегося снега, какой бывает только в деревне. Вихрь этот рос и креп, словно смерч поднимаясь от земли в небо, и когда его воронка почти достигла крыши их пятиэтажки, из нее на полном скаку вылетел белоснежный конь.

Спустя долю секунды он уже был у подъезда. Из его широких ноздрей шел теплый мягкий пар.

Не в силах отвести взгляд, Аяна смотрела на коня, а конь рассматривал ее большими карими глазами. Наконец, достаточно изучив девочку, он моргнул и склонил перед ней шею. Аяна схватилась за его белоснежную гриву, конь оттолкнулся копытами и взлетел. В то же мгновение в глазах потемнело. Кажется, Аяна потеряла сознание.

Ее закружил мутный поток образов из прошлого. Одни были недавними, другие — из далекого детства, третьи — слишком размытыми, чтобы понять, были ли они взаправду, или их домыслило ее воображение. Вначале Аяна словно оказалась внутри светлого живого кокона, пульсирующего в такт ее сердцу. Вдруг кокон сжался, в него вошелся некомфортный яркий свет. Картинка сменилась.

Она лежит в кровати в комнате с низким потолком. Над ней каруселью крутятся игрушки — облако, месяц, солнце. Аяна смотрит на них, и ей кажется, что вместе с ними кружится вся комната, закружываясь по углам и превращаясь в огромный шар, в центре которого лежит она. Стоит ей повести рукой — шар направляется вслед за ее движением. Аяна смеется и крутит пространством, пока не убаюкивает сама себя и не засыпает.

Ей семь лет, она учится в первом классе. Урок арифметики, Клавдия Федоровна объясняет основы устного счета, но Аяна не слышит ее — голос учительницы становится все тише и глуше, будто она говорит из бочки. Девочка, как завороченная, смотрит на качающиеся за окном лысые ноябрьские ветви. Ей кажется, что они машут только ей, зовут ее. Как же хочется выйти на улицу и подойти к дереву, узнать его тайну. Однако вместо этого над ней нависает огромное тело учительницы, которая что-то строго ей выговаривает. Аяна поднимает на нее пустой непонимающий взгляд, и это еще больше раздражает Клавдию Федоровну. Она больно берет ее за руку, выта-